

Б. Н. Миронов

ПОГРУЗИВШАЯ В СМУТУ И УКРАВШАЯ ПОБЕДУ РЕВОЛЮЦИЯ

По объективным показателям экономическая ситуация в России до свержения монархии выглядела не хуже, а в некоторых аспектах предпочтительнее, чем в других воюющих странах. В 1914–1916 гг. реальные доходы крестьян повышались благодаря удовлетворительным урожаям, снижению (ввиду инфляции) реального бремени налогов, уменьшению затрат на алкоголь, массовой продаже лошадей на нужды армии и получению пособий от государства за мобилизованных. Реальная зарплата промышленных рабочих незначительно повысилась. Ощутимо проиграли лишь работники умственного труда, чьи реальные доходы стали понижаться с началом войны. Обеспечение продовольствием населения находилось на удовлетворительном уровне. После свержения монархии положение всех социальных групп стало ухудшаться. Ультимативные требования рабочих немедленно и существенно повысить заработную плату и улучшить условия их труда заставили правительство запустить в круглосуточном режиме денежный станок. Безудержная эмиссия привела к огромной инфляции. В результате реальные доходы населения стали снижаться. Заработная плата рабочих к 1920 г. упала в 3 раза ниже довоенного уровня, жалование у работников умственного труда — в 9 раз. Положение крестьянства также ухудшалось, но в меньшей степени. Лишения во время Первой мировой войны имели важную особенность — они наступили после продолжительного повышения благосостояния населения в предвоенный период и на фоне больших надежд, связанных с победой в войне. Растущие ожидания общества натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу, что оказалось особенно болезненным. В результате люди оказались под прессом двойной депривации. Февраль нанес сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, качеству управления, дал дорогу анархии, развалил армию, спровоцировал революционные бесчинства. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей, породила октябрьское восстание, заставила Россию выйти из войны и спровоцировала Гражданскую войну. Библиогр. 69 назв. Табл. 17.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская революция 1917 г., причины революции, информационный терроризм, двойная депривация, борьба между элитами за власть, информационная война, экономическое положение страны, уровень жизни, преступность, самоубийства, революционное тунеядство.

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 693–716. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.403>

B. N. Mironov

THE REVOLUTION THAT PLUNGED RUSSIA INTO A TIME OF TROUBLES AND ROBBERED THE COUNTRY OF VICTORY

The economic situation in Russia before the overthrow of the monarchy appeared no worse than, and in some respects was preferable to, that in other warring countries, according to objective indicators. For example, the real incomes of peasants rose in 1914–1916 because of satisfactory harvests, a decreased tax burden in real terms (thanks to inflation), reduced expenditures on alcohol, the mass

---

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Mironov Boris Nikolaevich — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

sale of horses to meet the army's needs, and the receipt of state benefits for the mobilized. Industrial workers, too, experienced a slight increase in their real wages in 1914–1916. Only white-collar workers and those in the professions were perceptibly worse off; their real income began to decline when the war began. The food supply remained at an adequate level. After the overthrow of the monarchy, the position of all social groups began to worsen. Workers' demands to raise their wages immediately and substantially, as well as to improve their working conditions, forced the government to start round-the-clock currency production. Unrestrained issuing of paper currency resulted in massive inflation. Consequently, the real incomes of the population began to decline. By 1920 workers' wages fell to a level three times below the pre-war level, and intellectual workers' salaries were nine times lower. The peasants' position also took a turn for the worse but to a lesser degree. Privations during the First World War had a significant defining feature: They set in after a prolonged rise in the population's well-being during the prewar period and contrasted with high hopes tied to victory in the war. Society's rising expectations clashed head-on with the sudden deterioration in living conditions, while failures at the front and large military losses deprived the population of optimism and faith in ultimate victory, which proved especially painful. As a result people found themselves under the pressure of a dual deprivation. It was the revolution that dealt the economy, the standard of living, and the quality of governance a crippling blow. The revolution gave way to anarchy, led to the army's collapse, and ignited revolutionary violence and disorder. The extremely precarious, difficult situation prevailing in the country during the eight months of the Provisional Government's rule gave birth to the October uprising, forcing Russia to withdraw from the war, and initiated the Civil War. Refs 69. Tables 17.

Keywords: First World War, Russian Revolution of 1917, causes of revolution, informational terrorism, dual deprivation, power struggle among elites, information warfare, economic situation of a country, standard of living, criminality, suicide, revolutionary parasitism.

For citation: Mironov B.N. The revolution that plunged Russia into a time of troubles and robbed the country of victory. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 693–716. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.403>

В годы Первой мировой войны 1914–1916 гг. правительство и предприниматели сумели перевести российскую экономику на военные рельсы в соответствии с новыми требованиями и потребностями. Эта адаптация стала возможной благодаря успешному развитию России в довоенный период. После свержения монархии начался тотальный экономический кризис, который усилился после захвата власти большевиками и к 1920 г. достиг своего апогея [Миронов 2017].

Благосостояние населения во время войны и революции изменилось в полном соответствии с развитием экономики. До падения монархии, несмотря на военные трудности, уровень доходов у крестьян в 1914—1916 гг. повышался в первую очередь по причине хороших урожаев, а также благодаря уменьшению затрат на алкоголь; получению пособий от государства теми семьями, чьи кормильцы были мобилизованы (деньги за пайки)¹; продаже лошадей и упряжи на нужды армии. Согласно приблизительной и, вероятно, преувеличенной оценке Прокоповича, денежные расходы крестьян уменьшились, а денежные доходы увеличились на треть [Прокопович 1918, с. 236—237]. Однако галопирующая инфляция сильно уменьшала реальную помощь со стороны государства (табл. 1).

¹ Согласно, вероятно, преувеличенной оценке Прокоповича, денежные пособия за пайки за 1914–1917 гг. составили 6 млрд руб. — в 2 раза больше, чем по данным Министерства внутренних дел и сельскохозяйственной переписи 1917 г. [Прокопович 1918, с. 236–237; Россия в мировой войне... 1925, с. 49–51].

Таблица 1. Увеличение доходов крестьянства за счет уменьшения затрат на алкоголь, получения пособий от государства и продажи лошадей и упряжи в 1914–1917 гг. (млн руб.)

Источники дополнительных доходов	1914	1915	1916	1917
Запрещение продажи водки и пива	600	600	600	600
Пособия семьям запасных	82	450	816	1356
Поставка лошадей и упряжи	310	180	90	90*
Итого	1250	1365	2076	2046
Пособие в ценах 1914 г.	1250	1058	1070	340
Бюджетный индекс цен	100	129	194	602

* По 1916 г.

Подсчитано по: [Прокопович 1918, с. 236–237; Россия в мировой войне ... 1925, с. 51].

Положительным образом на крестьянский бюджет действовали другие, менее важные факторы: сокращение на 45–50 % числа свадеб, на которые тратились большие средства, и числа рождений; вовлечение в производство и промыслы ранее в них не участвовавших лиц (в том числе женщин), что уменьшило скрытое перенаселение. Потеря доходов от продажи продуктов ввиду запрещения экспорта хлеба и винокурения с лихвой компенсировалась дополнительными доходами, но главное тем, что продукты оставались в хозяйстве и что трезвый образ жизни, по мнению современников, положительно сказывался на жизни и быте деревни — уменьшились пьянство и семейное насилие, понизилась преступность, выросло потребление, увеличились вклады в банки [Воронов 1916, с. 1–70; Год трезвости... 1916, с. 129–153; Карпачев 2010, с. 85–96; Мак-Ки 1999, с. 147–159; Первушин 1916, с. 87–118; Прокопович 1918, с. 336–337].

Чтобы компенсировать сокращение доходов от ликвидации винной монополии, правительство прибегло к повышению налогового бремени. Новые налоги и сборы, введенные в 1914–1916 гг., должны были увеличить государственные доходы на 1051 млн руб. и благодаря этому к 1917 г. вывести их на уровень 1913 г., но только номинально. Инфляция сокращала реальные доходы населения, но одновременно с этим реальное налоговое бремя и реальные государственные доходы (табл. 2).

Таблица 2. Обыкновенные государственные доходы России в 1913–1917 гг. (млн руб.)

Источники государственных доходов	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920 *
Государственные доходы, в том числе:	3417,4	2898,1	2827,8	3032,1*	3998,6*	3361	6304	159604
прямые налоги	272,5	280,6	359,8	359,7	566,1	559	1206	20,5
косвенные налоги	708,1	661,5	697,4	813,7	1099,1	609	537	356
пошлины	231,2	209,1	414	443,6	442,2	168,6	182,1	49,3
правительственные регалии	1024,9	646,9	208,3	251,7	279,5	396,8	647,2	813
новые налоги	–	594,9	68,0	388,3	–	–	–	–

* По смете.

Подсчитано: [Проект государственной росписи ... 1917, с. 33; Прокопович 1918, с. 92].

В результате в 1916 г. обыкновенные государственные доходы сравнительно с 1913 г. даже номинально сократились на 11 %, а реально — на 55 %. В 1917 г. дохо-

ды номинально должны были увеличиться на 17 %, а реально сократились в 25 раз, превратившись в ничтожную величину. Номинальная и реальная тяжесть налогов у населения изменялась параллельно с государственными доходами. Крестьянство, в большинстве своем располагавшее реальными ценностями — сельскохозяйственными продуктами, землей, скотом, средствами производства, от инфляции мало проигрывало как продавец и сильно выигрывало как налогоплательщик. В результате для него бремя налогов во время войны сокращалось и в 1917 г. превратилось в символическую величину.

Таким представляется положение крестьян, если взглянуть на него сквозь призму статистики. То же самое отмечали и современники. Известный представитель финансовой науки в России первой половины XX в. и современник революции проф. В. Н. Твердохлебов (1876–1954) в январе 1917 г. в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли» свидетельствовал: «У нас в России в тот момент, когда миллиарды рублей разметаются в воздухе и зарываются в землю в форме шрапнелей, гранат, окопов, траншей, когда миллионы людей оторваны от производительного труда для защиты родины, а другие миллионы в тылу заняты изготовлением орудий смерти и боевых припасов, в эти годы величайшего разорения население потребляет и расходует больше, чем в мирное время, бюджеты большей части населения возросли; страна сжигает свой капитал с двух сторон. Россия стала больше есть во время войны. <...> Крестьянские семьи стали лучше питаться, так как недосев хлебов оказался в первые два года войны незначительным, а прекращение продажи питей, пайки семейств призванных и реквизиция скота увеличили денежный бюджет крестьянства на несколько миллиардов». Потребление солдат улучшилось: «...Нормальный солдатский рацион оказался роскошью для взятого на войну крестьянина. Городское население увеличило свои доходы: сокращение числа рабочих рук повысило плату ремесленников и фабричных рабочих, а на заводах, работающих на оборону, плата достигла неслыханного уровня. <...> Очевидно, бюджет населения сильно возрос: не заработная плата поднялась из-за роста цен, а, наоборот, рост цен вызван ростом доходов и спроса на товары» [Твердохлебов 1917, с. 143–144]. Статья, напечатанная в ведущем экономическом журнале, не вызвала возражений. Через 5 лет, в 1922 г., Твердохлебов подтвердил свои выводы: «В предвоенные годы на положение крестьянства благоприятное воздействие оказывала конъюнктура мирового рынка — повышение мировых цен на зерно. Благополучие крестьянства и во время войны продолжало улучшаться» [Твердохлебов 1922, с. 48–52]. Буржуазия обогатилась больше всех.

Наблюдения Твердохлебова нашли поддержку у таких видных экономистов-современников революции, как Н. Д. Кондратьев (1892–1938) [Кондратьев 1991, с. 132] и С. Н. Прокопович (1871–1955). Наблюдения и расчеты второго имеют особую ценность, потому что он служил министром торговли и промышленности и министром продовольствия во Временном правительстве и по роду своей работы был хорошо осведомлен. По его мнению, до 1917 г. доходы крестьянства росли, хотя степень роста зависела от региона. Они существенно увеличились в черноземных губерниях в 1914–1916 гг. Крестьяне стали предъявлять спрос на продукты, которые раньше считались в деревне деликатесами и роскошью, вследствие чего обороты продаж возросли примерно в 2 раза. «Теперь по праздникам вместо полбутылки водки и “закуски” каждая семья хочет иметь пирог из крупчатки и полфунта кон-

фет» [Прокопович 1918, с. 243–244, 254, 258]. В промышленных губерниях уровень жизни крестьян «мало изменился, хотя некоторое улучшение в условиях их жизни несомненно наблюдается» [Прокопович 1918, с. 254, 258].

Ситуация стала изменяться в 1917 г. главным образом по причине низкой урожайности в течение пяти лет подряд. Как показывают крестьянские бюджеты, еще в 1919 г., несмотря на реквизиции и конфискации, крестьяне вели хозяйство в основном без дефицита благодаря сбережениям, сделанным в предшествующие годы. В Орловской, Московской и Казанской губерниях доходы превышали расходы на 22, 6 и 2% соответственно, а в Рязанской и Тверской, наоборот, расходы значительно превышали доходы — на 1 и 6% соответственно [Статистический ежегодник 1918–1920 гг. ... 1921, с. 84–85].

Сбор зерновых ниже 26 пудов с десятины (или, в «самах», 2,8) означал неурожай. Такая урожайность была зафиксирована в 1920–1921 гг. в Средне-Волжском, Новороссийском, Нижне-Волжском, Степном, а в 1921 г. также и в Северо-Кавказском регионах [Сельское хозяйство России в XX веке... 1923, с. 148–155]. В Нижнем Поволжье по причине засухи в 1921 г. не собрали зерновых даже на семена. Из-за недостатка семян стали сокращаться посевы.

В 1920–1921 гг. в целом по стране урожайность упала до критического уровня — 28–30 пудов с десятины, или сам 3,1–3,4 (табл. 3). При такой урожайности можно было избежать массового голода в пострадавших губерниях при условии быстрой переброски избытков хлебов из губерний, где они имелись, туда, где существовал дефицит. Урожайность зерновых на уровне сам 3,1–3,4 была нормальной в XVII–XVIII, и в XIX в. она зафиксирована 20 раз — в 1801, 1805, 1811, 1815, 1822, 1823, 1830, 1831, 1832, 1833, 1839, 1841, 1848, 1850, 1855, 1859, 1865, 1867, 1875 гг., в том числе и в 1891 г. [Михайловский 1921, с. 4]. Но она не имела таких драматических последствий, как в 1921–1922 гг., потому что правительство плохо контролировало ситуацию в стране, народное хозяйство находилось в глубочайшем кризисе, в том числе транспорт, прежде всего железнодорожный — перевозки по сравнению с 1913 г. сократились в 9 раз.

До свержения монархии положение промышленных рабочих, живших на заработную плату, было менее предпочтительным, чем крестьян. Реальная зарплата работавших в 1914–1916 гг. изменялась незначительно. По расчетам С. Н. Прокоповича и ЦСУ, она увеличилась лишь на 8–9%. По менее правдоподобной оценке С. Г. Струмилина, реальная зарплата рабочих начала медленно снижаться с 1914 г. и в 1916 г. составила 91% от довоенного уровня. Все три оценки основывались на одних и тех же источниках — на данных фабричной инспекции за 1913–1915 гг. и на сведениях промышленной переписи за 1916–1917 гг., проведенной Центральным статистическим управлением (ЦСУ) в конце 1918 г. и начале 1919 г. Причина расхождений в оценках состоит в том, что Прокопович и ЦСУ более полно учли, кроме зарплаты, пайки, расходы предпринимателей на жилище, страхование и медицинскую помощь, составлявшие довольно значительную величину — 8,3% денежной платы (табл. 3).

Рабочие как социально-профессиональная группа прямых налогов не платили. Но вместе со всеми страдали от косвенных налогов как потребители. Как было показано выше (табл. 2), косвенные налоги в 1914–1915 гг. даже номинально немного понизились, а в 1916 г. повысились лишь на 15%. Реально же они снижались начи-

Таблица 3. Изменение реальной зарплаты российских рабочих в 1913–1918 гг. по различным оценкам

Оценки	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Струмилин	100	99	94	91	82	43	35	34	35
Прокопович	100	100	106	109	99	41	33	33	31
ЦСУ	100	105	109	108	85	–	–	–	–
Бюджетный индекс цен	100	101	130	196	608	7258	68200	708333	6326667

Источники: [Прокопович 1952, с. 77–78, 94; Струмилин 1964, с. 386].

ная с 1914 г. и в 1916 г. были на 41 % ниже уровня 1913 г. Поскольку реальная зарплата учитывала инфляцию, это означает, что налоговое бремя у рабочих во время войны понизилось. Разные сборы и пошлины повышались номинально быстрее налогов, но реально превысили довоенный уровень один раз — в 1915 г. Однако пошлины и сборы, в том числе вновь введенные, задевали главным образом состоятельных людей и предпринимателей. В 1914 г. судебные пошлины и сборы с пассажиров и грузов, перевозимых по казенным железным дорогам, выросли вдвое. Был введен специальный налог на владельцев телефонных аппаратов. В 1915 г. наполовину повышены ставки промыслового налога, в 1,5–2 раза — государственный поземельный налог, на треть — налог с городской недвижимости и на 40 % — таможенные тарифы. В 1916 г. был принят закон о налоге на прирост прибыли предприятий и лиц, доходы которых выросли благодаря военным заказам.

Уменьшение косвенного обложения рабочих произошло благодаря запрещению продажи водки и пива, на которые в 1913 г. горожане тратили около 180 млн руб. (табл. 4). Конечно, существовали контрабанда и самогонование, но, несмотря на это, потребление алкоголя резко снизилось и, по наблюдениям современников, положительно сказалось на рабочих, в частности уменьшились преступность и хулиганство, повысилась производительность труда, снизился травматизм, что приписывалось сухому закону.

Таблица 4. Увеличение доходов горожан за счет уменьшения затрат на алкоголь и получения пособий от государства в 1914–1917 гг. (млн руб.)

Источники дополнительных доходов	1914	1915	1916	1917
Запрещение продажи водки и пива	180	180	180	180
Пособия семьям запасных	9	46	91	109
Пособие в ценах 1914 г.	189	175	140	48
Бюджетный индекс цен	100	129	194	602

Подсчитано по: [Прокопович 1918, с. 236–237; Россия в мировой войне 1925, с. 51].

Значительное пособие в виде пайков от государства получали горожане, включая рабочих, чьи кормильцы были взяты в армию. Однако вследствие более высоких цен в городе пособие, хотя оно монетизировалось и индексировалось, имело несравненно меньшее значение для горожанина. Поэтому семьи рабочих, оставшиеся без главного (если до войны работали жены и дети. — Б. М.) или единственно кормильца, испытывали большие трудности; повышение реальной заработной

платы их мало касалось. Таких насчитывалось до 30 %, поскольку в армию было мобилизовано около 30 % трудоспособных горожан².

По мнению весьма компетентных санитарных врачей В. И. Бинштока и Л. С. Каминского, питание рабочих и горожан во время войны «несколько ухудшилось», но, по имеющимся сведениям, в Петрограде, Москве, Туле, Оренбурге, Саратове и в некоторых других городах «оно было количественно достаточным до начала 1917 г.» [Биншток, Каминский 1929, с. 32, 34–35, 84]. Показательны сведения о питании московских рабочих по прихода-расходным книгам шести харчевых артелей (в том числе одной женской), в которых коллективно питалось более 600 человек. Данные более или менее правильно отражают динамику потребления, но занижают его абсолютный уровень, так как некоторые продукты (чай, сахар и т. п.) покупались индивидуально. Согласно этим сведениям, калорийность питания у мужчин в 1914–1916 гг. практически оставалась на довоенном уровне. Уменьшение калорийности на 4 % в 1915/16 г. находилось в пределах нормы, так как соответствовало потреблению в другие предвоенные годы, например в 1907/08 г. Калорийность существенно снизилась только в первой половине 1917 г. — до 87 % от уровня 1913/14 г. У женщин ухудшение питания началось раньше, происходило интенсивнее и к середине 1917 г. достигло 77 % довоенного уровня. Одновременно происходило выравнивание калорийности потребления между различными артелями: у рабочих с более обильным питанием до войны калорийность уменьшилась больше, чем у тех, кто питался хуже (табл. 5).

Таблица 5. Изменение калорийности питания московских рабочих в 1913–1917 гг. (1913 г. = 100)

Артели	1913/14	1914/15	1915/16	1916/17
механиков	3993	4022	3720	3259
красильщиков	3593	3481	3539	3164
ткачей	3517	3474	3368	3262
слесарей	4330	3859	3543	-
мыльщиков*	4132	3724	3774	-
В среднем по 5 артелям	3913	3712	3589	3228
В среднем по 3 артелям	3701	3659	3542	3228
Артель женщин	3340	3221	2713	2583

* Рабочие ситценабивного отделения.

Подсчитано по: [Свавицкий 1920, с. 75].

Обследование бюджетов московских рабочих в годы войны подтвердило значительное ухудшение питания с начала 1917 г., в течение которого его калорийность упала на 27 %. Затем депривация росла до 1921 г. [Струмилин 1923, с. 49–51].

После февраля 1917 г. номинальная зарплата по настоятельным требованиям рабочих начала расти, по словам Прокоповича, «бешеным темпом, без всякой связи с производительностью труда и валовой выручкой промышленных предприятий. <...> В то время как производительность обрабатывающей и добывающей про-

² Из деревни было мобилизовано примерно 47 % трудоспособных мужчин. Судя по числу пайков, выдававшихся семьям призванных в армию мужчин, горожан среди них насчитывалось 9 %, а селян — 91 %. Накануне войны среди мужского населения империи 14 % проживали в городе и 86 % — в деревне. Отсюда следует, что из горожан было призвано около 30 % [Россия в мировой войне 1925, с. 22, 51].

мышленности падала, а промышленная анархия росла, длина рабочего дня была сокращена до 8 часов, сдельные работы отменены, благодаря чему резко понизилась интенсивность труда» [Прокопович 1918, с. 258]. Продолжительность рабочего дня в 1917 г. уменьшилась на 11 % (с 10 до 8,9 часов) [Струмилин 1964, с. 365], рабочие были переведены со сдельщины на повременную оплату (табл. 6).

Таблица 6. Продолжительность работы в России в 1913–1921 гг.

Режим работы	1913	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Рабочий фактический день, ч	10	9,9	8,9	8,5	8,3	8,6	8,5
Фактическая работа, дней	257,4	257,8	237,8	219	183	228,3	221,5
Дни праздничного отдыха, дней	88,6	–	–	–	61,8*	59,0	61,4
Простои, дней	6,4	–	–	–	23,2	7,7	8,4
Отпуск, дней	нет	–	–	–	11,0*	5,8	12,5
Болезнь, дней	5,2	–	–	–	21,4*	22,7	18,3
Санкционированные неявки, дней**	2,8	–	–	–	16,6*	18,9	22,3
Прогулы, дней	4,6	–	–	21	19,0*	23,6	20,6
Всего неявок, дней	12,6	–	–	–	68,0*	71	73,7

* Петроград.

** Работа в организациях, делегациях, командировках и т. п. и пропуски по уважительным причинам.

Источники: [Струмилин 1964, с. 365; Статистический ежегодник за 1918–1920 гг. ... 1922, с. 116–118; Статистический ежегодник за 1918–1920 гг. ... 1925, с. 170–185; Яковлева 1923, с. 11].

Чтобы удовлетворить требования рабочих немедленно и значительно повысить заработную плату, Временное правительство запустило печатный станок. За 8 месяцев оно напечатало 70,1 млрд руб., что увеличило денежную массу в 8,2 раза (табл. 7).

Таблица 7. Эмиссия денег и инфляция в России в 1917–1921 гг. по месяцам*

Факторы эмиссии	1917					1918	1919	1920	1921
	февраль	апрель	июнь	август	октябрь	январь	январь	январь	январь
Денежная масса в обращении, млрд текущих руб.	10,0	11,6	13,3	15,6	19,6	27,31	61,26	225,02	1168,6
Денежная масса в обращении (февраль 1917 г. = 100)	100	116	132	156	196	273	613	2250	11686
Бюджетный индекс цен (февраль 1917 г. = 100)	100	121	183	216	324	659	5206	76825	533333
Покупательная способность рубля (февраль 1917 г. = 100)	100	83	55	46	31	15	2	0,13	0,02

* В 1917 г. — на конец месяца. В 1918–1921 гг. — на начало месяца.

Источники: [Наше денежное обращение... 1926, с. 164–165, 248; Шмелев 1922, с. 11–13; Сборник статистических сведений по Союзу ССР... 1924, с. 221, 316].

Безудержная эмиссия привела к огромной инфляции — в конце октября 1917 г. покупательная способность рубля в целом по стране упала в 10 раз. Цены по губерниям изменялись достаточно синхронно, но величина колебаний различалась [Статистический сборник за 1913–1917 гг. ... 1922, с. 60–90]. Реальная зарплата рабочих в 1917 г. понизилась на 26 % сравнительно с 1916 г., в 1918 г. — еще в 2 раза. В 1921 г. она упала в 3 раза по сравнению с довоенным уровнем.

Однако, как ни парадоксально, от войны и революции наиболее пострадали работники умственного труда. Согласно расчетам ЦСУ, реальное жалование служащих и технического персонала в промышленности стало понижаться с самого начала войны: в 1915 г. — на 9 %, в 1916 г. — почти на четверть (табл. 8).

Таблица 8. Годовая средняя заработная плата рабочих и вознаграждения служащих, не прекращавших работу в тех же в промышленных заведениях в 1913 — первой половине 1918 г. (в руб. 1913 г.)

Категории работников	Год									
	1913	1914	1915	1916	1917	1918, I–VI	1918, VII–XII	1918	1921	
Рабочие	258	272	281	278	220	27	191	108	85	
Индекс (1913 г. = 100)	100	105	109	108	85	10	74	42	33	
Служащие	1058	1050	962	825	402	46			123	
Индекс (1913 г. = 100)	100	99	91	78	38	4			12	
В том числе:										
— директора и управляющие	6731	6035	5568	4293	1686	128				
индекс (1913 г. =100)	100	105	97	75	29					
— технический персонал	1462	1465	1312	1137	566	55				
индекс (1913 г. =100)	100	100	90	78	39					
— прочие служащие	685	685	597	533	322	35				
индекс (1913 г. = 100)	100	100	87	78	47					

Источники: [Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1924, с. 189–191, 243, 244].

После свержения монархии реальная зарплата и рабочих, и работников умственного труда стала быстро падать, но у вторых резче и быстрее: у рабочих за 1917 г. — на 10 %, у служащих — в 2 раза; за 1918 г. у рабочих — почти в 2 раза, у служащих — более чем в 9 раз. В 1919–1921 гг. реальная зарплата рабочих была ниже довоенного уровня в 3 раза, у служащих — в 9 раз. Резко понизились доходы и у других представителей интеллигенции, включая творческую. В результате произошло нивелирование доходов работников умственного и физического труда: в 1913 г. они различались в 4 раза, в 1921 г. — в 1,5 раза. Рабочим было тяжело, но для интеллигентных людей, привыкших к другому стилю жизни и расходов, снижение доходов в 9 раз означало настоящую катастрофу, что отразилось на их отношении к революции, которой они так желали и которую торопили. Беспрецедентное падение уровня жизни интеллигенции отразилось в их дневниках, воспоминаниях и письмах, которые широко используют историки в качестве доказательств падения уровня благосостояния всего населения страны во время войны и революции. При этом такие выводы неправомерно распространяют на все население страны, не учитывая, что интеллигенция с точки зрения благосостояния была самой пострадавшей категорией населения.

Депривация работников умственного труда имела тяжелые психологические последствия. Наблюдая в 1917 г. за поведением своих коллег по Московскому университету, С. Б. Веселовский приходил в ужас. Его возмущали появившееся равнодушие к своим гражданским обязанностям, к труду, своей работе, профессии, но еще более получившее распространение воровство в профессорской среде при полном безразличии к этому со стороны сослуживцев. По домам «разносились» все, что может пригодиться в хозяйстве. Зимой, во время дровяного кризиса, пользовалось спросом все, что горит [Веселовский 2000, с. 88].

Демографическая ситуация среди гражданского населения, отражающая до некоторой степени его материальное положение, оставалась удовлетворительной вплоть до 1917 г. В течение первых двух лет войны брачность и рождаемость существенно уменьшились в связи с мобилизацией мужчин, но смертность и заболеваемость остроинфекционными болезнями находились на довоенном уровне, вследствие чего естественный прирост уменьшался, но оставался положительным. В империи (без Польши и Финляндии) в 1914 г. он составил приблизительно 2,8 млн, в 1915 — 1,7 млн, в 1916 г. — до 1 млн человек. Из-за отсутствия точных данных о численности населения в 1915–1919 гг. исследователи избегают вычислять демографические коэффициенты. Если же опираться на абсолютные данные, то получится, что в 1914–1916 гг. сравнительно с 1913 г. в среднем в год заключалось браков в 2,2 раза меньше, число новорожденных снизилось почти в 1,5 раза. С 1917 г. по причине роста смертности началась убыль населения, которая нарастала до 1920 г. Устойчивое повышение естественного прироста населения возвысилось только в 1923 г.³

Наличие сбережений и их динамика являются важным показателем благосостояния населения. Вклады в банки в течение войны, вплоть до разрушения банковской системы большевиками, номинально возрастали (табл. 9).

Инфляция уже в январе 1915 г. превысила процентные ставки по вкладам (4%), а учетная ставка Государственного банка с начала войны и до 23 октября 1917 г. равнялась 6–7% [Статистический сборник за 1913–1917 гг. ... 1922, с. 96]. В 1915–1916 гг. благодаря огромному росту общей суммы вкладов их суммарная реальная ценность все же увеличивалась, но с начала 1917 г. стала уменьшаться с возрастающей скоростью. В результате к 1 марта 1917 г. общая сумма денежных сбережений населения обесценилась на 10%, к 1 сентября 1917 г. — более чем в 2 раза. Среднемесячный номинальный рост вкладов в 1913–1915 гг. составлял 1%, в 1916 г. увеличился до 5%, а в 1917 г. понизился до 2%. Свержение монархии отрицательно сказалось на сбережениях населения.

Для нас особенно интересны данные о вкладах населения в сберегательные кассы при Государственном банке России, в которых хранила свои сбережения львиная доля населения. Люди вносили депозиты не только деньгами, но и процентными бумагами. Если их учесть, то общая сумма вкладов в кассы увеличится на 17–26% и их обесценение замедлится, но несущественно, и общую тенденцию не изменит (табл. 10).

---

³ Демографические процессы за 1917–1919 гг. по-разному оцениваются исследователями, так как исходные данные являются приблизительными и не охватывают всю территорию, вследствие чего приходится в большей или меньшей степени использовать интерполяцию и экстраполяцию: [Кабузан 1996, с. 178–180, 329–330, 336–337; Новосельский 1978, с. 197–218; Поляков 1986, с. 97–98; Урланис 1963, с. 21, 25, 86–87].

Таблица 9. Остатки денежных вкладов лиц и учреждений в государственных сберегательных кассах и на текущий счет во всех кредитных учреждениях в 1915–1917 гг.

Дата	Остатки денежных вкладов в номинальных руб., млн				Индекс цен (1913 г. = 100)	Индекс вкладов в ценах 1913 г.	
	Сберегательные кассы	Все банки	Индекс вкладов (1913 г. = 100)			Сберегательные кассы	Все банки
			Сберегательные кассы	Все банки			
1 июля 1913 г.	1616,5	4935	100	100	100	100	100
1 января 1914 г.	1685,4	5124,1	104	104	100	104	104
1 июля 1914 г.	1704,2	5480,2	105	111	101	104	110
1 августа 1914 г.	1663,1	5366	103	109	100	103	109
1 сентября 1914 г.	1673,2	5307,4	104	108	100	104	108
1 октября 1914 г.	1699,0	5244,6	105	106	101	104	105
1 января 1915 г.	1834,7	5794,5	113	117	116	98	101
1 июля 1915 г.	2135,0	6895,6	132	140	129	102	108
1 января 1916 г.	2448,6	7730,4	151	157	143	106	110
1 июля 1916 г.	3040,6	10078	188	204	195	96	105
1 января 1917 г.	3769,0	13130,8	233	266	294	79	91
1 февраля 1917 г.	3904,3	13469,1	242	273	310	78	88
1 марта 1917 г.	4028,3	13931,0	249	282	315	79	90
1 апреля 1917 г.	4109,8	14630,9	254	296	335	76	88
1 мая 1917 г.	4305,3	14896,7	266	302	380	70	79
1 июня 1917 г.	4473,8	15108,6	277	306	450	62	68
1 июля 1917 г.	4629,7	15366,2	286	311	576	50	54
1 августа 1917 г.	4762,3	15651,1	295	317	655	45	48
1 сентября 1917 г.	4829,6	15878,1	299	322	680	44	47

Подсчитано по: [Прокопович 1918, с.111–112; Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. ... 1925, с.221].

Таблица 10. Остатки книжек, денежных вкладов и вкладов процентными бумагами в государственные сберегательные кассы на 1 января в 1913–1917 гг.

На 1 января	Число касс	Индекс роста числа касс	Число книжек, тыс.	Индекс роста числа книжек	Вклады, млн руб.	Индекс роста суммы вкладов	Индекс цен	Сумма вкладов в ценах 1913 г., млн руб.
1913	8552	100	8666,0	100	1913,2	100	100	100
1914	8553	100	9223,1	106	2034,0	106	101	105
1915	9053	106	9501,0	110	2236,0	117	130	90
1916	9855	115	10394,8	120	3113,0	163	203	80
1917	14157	166	12660,0	146	5226,5	273	294	41

Подсчитано: [Статистический сборник за 1913–1917 гг. ... 1922, с.130–132; Статистический ежегодник России 1914 г. ... 1915, с.92].

Сам по себе факт роста числа вкладчиков и сбережений даже в номинальной форме свидетельствует о росте доходов населения. Поэтому рост активности сберкасс во время войны может показаться удивительным. С 1 января 1913 г. по 31 декабря 1916 г. число касс увеличилось в 1,7 раза, книжек — в 1,5 раза, сумма вкладов — в 2,7 раза. Число вкладчиков достигло 12,7 млн. Показательно распределение депозитов между различными социальными и профессиональными группами в 1914–1916 гг. (табл. 11) (к сожалению, за 1917 г. подобных данных нет).

Таблица 11. Распределение вкладчиков в государственные сберегательные кассы по роду занятий в 1913–1916 гг.

Род занятий	Доля в населении в 1897 г., %	Число вкладчиков, %				Сумма вкладов, %			
		1913	1914	1915	1916	1913	1914	1915	1916
Землевладение	–	0,5	0,5	0,4	0,4	0,7	0,6	0,5	0,8
Земледелие и сельские промыслы	74,6	29,5	29,6	29,8	30,6	31,1	31,0	29,9	28,2
Городские промыслы	–	13,4	13,0	12,4	11,6	11,6	11,6	10,3	9,8
Работа на фабриках и заводах	9,6	5,3	5,3	5,4	5,7	4,6	4,7	4,6	4,3
Услужение	4,6	8,3	8,3	8,1	7,3	7,2	7,3	6,8	5,4
Торговля и транспорт	4,8	8,0	7,9	7,9	7,7	9,8	9,6	10,0	12,6
Духовное звание	0,6	2,5	2,3	2,3	2,1	4,2	3,8	3,5	2,8
Служба военная: офицеры	0,1	1,0	1,0	1,2	1,5	1,2	1,1	2,1	2,9
Нижние чины	0,9	4,0	3,9	2,7	2,7	1,4	1,4	1,3	1,5
Служба гражданская	1,4	3,5	3,5	3,5	3,7	3,7	3,6	3,8	4,1
Служба общественная и частная	0,3	15,0	15,1	15,4	15,0	15,8	15,9	16,1	15,6
Прочие занятия	3,1	8,8	9,6	11,0	11,5	8,6	9,3	11,1	12,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: [Статистический сб. за 1913–1917 гг. ... 1922, с. 130–132; Статистический ежегодник России 1912 г. ... 1913, с. 85–87; Общий свод ... 1905, с. 296–297].

Среди вкладчиков преобладали крестьяне, затем лица, занятые на общественной и частной службе, горожане различных неопределенных занятий, прислуга, занятые в торговле и рабочие. Но для адекватной оценки финансовой активности различных социально-профессиональных групп необходимо учитывать их численность во всем населении. Принимая это во внимание, можно считать, что самыми активными среди клиентов были лица, занятые на общественной и частной службе (их доля среди вкладчиков превышала долю среди населения в 50 раз), затем следовали офицеры, нижние воинские чины, лица духовного звания и землевладельцы. Наименьшую активность проявляли крестьяне и рабочие, процент первых среди вкладчиков был в 2,5 раза меньше, чем во всем населении, а вторых — в 1,8 раза. В 1914–1916 гг. соотношение отдельных социально-профессиональных групп среди клиентов банка и их доля в сумме депозитов мало изменились. Это говорит о том, что у всех групп доходы росли более или менее одинаково и что доходы между ними во время войны распределялись примерно так же, как и в мирное время. Несколько выше среднего увеличились номинальные доходы лиц, занятых в торговле, — так всегда бывает во времена дефицита товаров, а также офицеров и го-

сударственных служащих, ниже среднего возросли доходы у занятых в городских промыслах, у крестьян, прислуги, рабочих и лиц духовного звания.

Социальные исследователи в качестве критериев общественного благополучия используют данные о девиантном поведении, в первую очередь о преступности, в особенности об убийствах и самоубийствах [Воронин 2009, с. 41–54].

Преступность в пореформенной России росла, а накануне Первой мировой войны достигла своего максимума. Однако ее уровень был существенно ниже, чем в ведущих западноевропейских странах, особенно протестантских [Миронов 2015, с. 140–141]. Материалы о преступности в России в годы Первой мировой войны сохранились неполно, однако имеющихся сведений достаточно для выявления основных тенденций. Из данных окружных и местных судов (мировых, уездных и городских) о числе осужденных в 1912–1916 гг. следует: сравнительно с 1913 г. уровень преступности в 1914 г. был ниже на 16 %, в 1915 г. — на 34 % и в 1916 г. — на 29 % (табл. 12).

Таблица 12. Число осужденных окружными и местными судами по империи на сопоставимой территории (без Польши и Финляндии) в 1912–1916 гг., в тыс.

Осужденные	1912	1913	1914	1915	1916
Окружными судами, индекс (1913 г. = 100)	–	66,3	–	44,0	47,3
	–	100	–	66	71
Местными судами, индекс (1913 г. = 100)	881,1	751,6	629,0	–	–
	117	100	84	–	–

Подсчитано по: [Сборник статистических сведений по Союзу ССР... 1924, с. 66–70].

Более полные сведения имеются о числе следствий. Если судить по числу возникших следствий на 100 тыс. населения в восьми из двенадцати судебных округов, в 1914–1916 гг. преступность была примерно на 25 процентных пунктов ниже, чем в 1911–1913 гг. (в том числе в деревне — на 29, в городе — на 6), число убийств — на 26 пунктов ниже (табл. 13).

Таблица 13. Число следствий на 100 тыс. населения по восьми судебным округам в 1911–1916 гг. (1911 г. = 100)

Виды преступлений	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1911–1913	1914–1916
Государственные	100	90	75	77	72	49	88	66
Убийства	100	104	106	90	66	68	103	74
Телесные повреждения	100	106	113	78	37	35	106	50
Разбой и грабеж	100	99	95	72	33	42	98	49
Кражи	100	85	100	88	77	110	95	92
Поджоги	100	69	67	46	25	22	79	31
Прочие	100	107	104	92	72	75	104	79
Итого	100	100	100	83	64	76	100,4	75

Подсчитано по: [Волков 1930, с. 264–271; Миронов 2012, с. 621; Тарновский 1918, с. 98, 104, 109].

Сведения о преступности за 1917–1918 гг. не введены в научный оборот (возможно, они вообще не сохранились). Имеющиеся данные за 1919–1924 гг. свидетельствуют о ее скачке после революции: среднегодовое число осужденных на

100 тыс. населения в 1919–1924 гг. было в 2,7 раза больше, чем в 1911–1913 гг. и примерно в 3,6 раза больше, чем в 1914–1916 гг. (табл. 14).

Таблица 14. Число осужденных на 100 тыс. населения в 1909–1924 гг.

Год	Число осужденных	
	1909–1913	883
1919	1727	196
1920	2003	227
1921	2610	296
1922	2508	284
1923	2442	277
1924	2910	330

Источники: [Сборник статистических сведений по Союзу ССР... 1924, с. 66–81; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. ... 1925, с. 85–86, 88–89, 92; Криминология... 2001, с. 158; Лунеев 1997, с. 56–57; Миронов 2015, с. 118].

Суицидальность в пореформенной России возрастала (главным образом среди горожан), но и в начале XX в. оставалась одной из самых низких в Европе. Во время войны данные о самоубийствах более или менее полно собирались лишь в столицах, где они происходили на порядок чаще, чем в провинции, и все же правильно отражали общие тенденции. Если судить по Петрограду и Москве, то в 1914–1917 гг. коэффициент самоубийств снизился сравнительно с 1913 г. примерно в 2 раза, а с 1918 г. стал расти, но только в 1922 г. превысил довоенный уровень. В целом по стране в 1922–1925 гг. суицидальность превзошла уровень 1910–1912 гг. в 1,5 раза (5,5 против 3,7 на 100 тыс.) [Миронов 2012, с. 622–623]. Таким образом, в России, как и в других «цивилизованных» странах, во время Первой мировой войны уровень преступности и суицидов понизился, а после революции резко пошел вверх (табл. 15).

Таблица 15. Число завершенных самоубийств на 100 тыс. населения в Петрограде и Москве в 1913–1926 гг.

Год	Петроград	Москва
1913	29,0	21,0
1914	21,1	14,8
1915	10,7	10,6
1916	11,0	8,7
1917	10,5	6,8
1918	–	7,9
1919	23,7	8,5
1920	24,7	–
1921	27,8	9,4
1922	29,9	13,9
1923	32,6	23,0
1924	32,1	33,7
1925	34,4	17,5
1926	35,9	25,8

Источники: [Тарновский 1926, с. 192–193; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. ... 1921, с. 101].

Все познается в сравнении. По объективным показателям экономическая ситуация в России до свержения монархии выглядела не хуже, а в некоторых аспектах предпочтительнее, чем в других воюющих странах, кроме Великобритании [Бокарев 2001, с. 436–441]. Среднегодовой валовой внутренний продукт на душу населения в постоянных ценах в 1914–1916 гг. сравнительно с 1913 г. был ниже в Австрии — на 21 %, в Германии — на 19 %, в Италии — на 6 %, во Франции и США — на 5 %, и только в Великобритании на 5 % выше. В России чистый национальный доход, динамика которого очень близка к динамике ВВП, был на 6 % ниже (табл. 16). Учитывая приблизительность оценок, это означает, что только в Великобритании экономическое положение было лучше, чем в России.

Таблица 16. Валовой внутренний продукт на душу населения в сопоставимых ценах в России и западных странах в 1913–1920 гг. (1913 г. = 100)

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Россия*	100	96	98	88	77	47	41	41	37
Австрия	100	83	77	76	75	74	65	70	76
Германия	100	84	79	80	81	82	71	77	84
Великобритания	100	100	107	109	110	111	99	92	90
Италия	100	95	90	97	97	95	91	93	90
Франция	100	93	93	99	85	69	81	93	88
США	100	91	92	103	99	107	107	105	100

* Чистый национальный доход на душу населения на территории СССР в межвоенный период, в 1925–1939 гг.

Источники: [Маркевич, Харрисон 2013, с. 15, 18; Maddison 2010].

Во всех воюющих странах, особенно в Германии и Австро-Венгрии [Всемирная история... 1997, с. 189–233; Эггерт 1957, с. 85, 86, 89, 373], положение с продовольствием было хуже, чем в России. В Европейской России⁴ в хлебозапасных магазинах на 1 февраля 1917 г. находилось 67,5 млн пудов хлеба, примерно 89 % от того запаса, который в них хранился на 1 февраля 1914 г. [Видимые (торговые) запасы хлеба ... 1914, с. 1–16; Видимые торговые запасы хлеба ... 1917, с. 22–24]. В доказательство существования продовольственного и топливного кризиса в стране обычно ссылаются на снабжение столицы. В 1914–1916 гг. по сравнению с 1909–1913 гг. подвоз продовольствия к Петрограду сократился на 16 %, но исключительно вследствие запрещения экспорта. Продуктов, потребленных жителями города, в 1916 г. было на 37 % больше, чем в 1909–1913 гг., а население города увеличилось лишь на 23 %. Сравнительно с 1913 г. привоз дров в 1915 г. был на 66 % больше, в 1916 г. — на 58 % (табл. 17). За 1917–1920 гг. аналогичных сведений нет.

Слухи о наступлении продовольственного кризиса, распространявшиеся в конце 1916 — начале 1917 г., не имели под собой объективного основания, так как действительного недостатка продовольствия в то время не было, но из-за суровой зимы возникли трудности с его доставкой в Петроград и другие города. Средняя температура трех зимних месяцев 1916/17 г. в Петрограде опустилась на 1,8 градуса ниже нормы, в Москве — на 2,1, а в феврале — соответственно на 6,1 и 7,1 градуса. В феврале в Петрограде температура падала до –29, в Москве — до –30 градусов.

⁴ На сопоставимой территории 45 губерний.

Таблица 17. Привоз в Петроград главнейших предметов потребления по железной дороге, р. Невой и по Петроградской портовой таможне в 1909–1916 гг., в тыс. пуд.

Предметы потребления	1909–1913			1914	1915	1916		
	Привоз	Вывоз	Баланс	Привоз	Привоз	Привоз	Вывоз	Баланс
Рожь	9871	6000	3871	8565,7	12402,3	8361,5	907	7454,5
Пшеница	6944	6982	–38	3232,3	2224,8	1964	215	1749
Ячмень	1099	495	604	798	3409,5	6476,2	188,1	6288,1
Овес	35247	21873	13374	23449,9	7189,5	5778,4	1134	4644,4
Мука ржаная	12414	3467	8947	10656,4	16556,8	15348,1	1464,3	13883,8
Мука пшеничная	13090	2773	10317	14137,3	19574,1	18178,9	1806,6	16372,3
Мука прочая	118	47	71	–	–	–	–	–
Крупа	1876	1363	513	2983,8	1124,8	3661,9	467,2	3194,7
Мясо	4280	427	3853	5464,8	8523	8168,6	1412,8	6755,8
Рыба	6596	2732	3864	4242,5	1318,8*	4706,5	763,1	3943,4
Масло коровье	1979	1043	936	1856,4	1338,3	1373,1	239,7	1133,4
Яйца	3453	1673	1780	4074,3	2837,1	3258	124,4	3133,6
Картофель	4676	95	4581	4665,7	3757,4	3184,1	101,8	3082,3
Сахар	4920	816	4104	5150,4	10127	8474	2591,2	5882,8
Итого	101887	49691	52196	84611,8	86626	85749,2	11313,4	74435,8
Дрова, тыс. куб. сажень	425,9**	–	–	416,4	705,0	673,5	–	–
Население, тыс.***	1964			2218	2315	2416		

* Возможно, в источнике опечатка.

** 1913 г.

*** Наличное население без пригородов.

Подсчитано по: [Статистический справочник по Петрограду 1919, с. 67, 70, 74; Санкт-Петербург. 1703–2003 гг. ... 2003, с. 16].

Одновременно с этим в столице и прилегающей к ней территории в феврале выпало снега на 40 % выше нормы, в марте — на 76 % [Статистический сборник за 1913–1917 гг. ... 1921, с. 244–245, 250–253, 260–261, 267, 269]. По этой причине происходили срывы поставок хлеба, дров и угля.

Немецкое правительство ввело карточную систему в январе 1915 г. сначала на хлеб и к концу 1916 г. на все важнейшие продукты и во всей стране. В России летом 1916 г. в некоторых губерниях было введено нормирование сахара и хлеба, причем по нормам большим, чем в Германии. Например, в Петрограде в феврале 1917 г. хлеба выдавалось в день на человека 615 г. — в 3,6 раза больше, чем в Германии. Лишь с декабря 1917 г. в столицах обеих стран большинство продуктов питания стало распределяться по карточкам [Миронов 2012, с. 577–578].

Уменьшение общей численности населения в России началось в 1917 г. В других воюющих странах, кроме Англии, — уже в 1915 г. [Кабузан 1998, с. 160, 161, 164].

С 1914 г. до 1 января 1917 г. государственный долг России увеличился в 3,8 раза — с 8,8 млрд руб. до 33,6 млрд руб., что равнялось семикратному доходу государственного бюджета в 1917 г. Однако только за один год, к концу 1917 г., под влиянием революции государственный долг увеличился до 60 млрд руб., или на 26,4 млрд руб. больше, чем за 1914–1916 гг. За годы войны в США государственный долг вырос в 21 раз (с 1188 млн до 25 485 млн долларов — с 0,4 до 2,7 годовых доходов бюджета в 1919 г.), в Великобритании — почти в 11 раз (с 706 млн до 7481 млн фун-

тов стерлингов, или до 8,4 годовых доходов государственного бюджета в 1918 г.), во Франции — в 6 раз (с 34 200 млн до 214 100 млн франков — до 28 годовых доходов государственного бюджета в 1918 г.) [Воронов 2004; Сборник статистических сведений по Союзу ССР... 1924, с. 316; Mitchell 1976, p. 719, 721, 726; Historical Statistics of the United States ... 1975, p. 1117–1119]. До 1917 г. финансовая ситуация в России была не самой худшей среди воюющих стран в значительной мере благодаря талантливому министру финансов П. Л. Барку [Куликов 2017, с. 5–58], но вскоре после свержения монархии стала критической вследствие популистской финансовой политики Временного правительства.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что во время войны не возникло непреодолимых объективных предпосылок для революции. Не чрезвычайные трудности породили революцию, а революция породила чрезвычайные трудности. Подчеркну: удовлетворительная адаптация экономики к условиям военного времени в 1914–1916 гг. была результатом успешного развития России в довоенный период, что обстоятельно рассмотрено в моей книге [Мионов 2014, 2015].

Почему же тем не менее произошла революция?

Война сыграла важную роль в революционных событиях, но не в материальном или экономическом, а скорее в психологическом, моральном и патриотическом отношении. Исторические социологи обнаружили важный факт: сдвиги в статусе правящего класса пропорциональны военному успеху или поражению (так называемая модель войны — легитимности Р. Ханнемана). Победа сопровождается ростом патриотизма в стране, повышением престижа и легитимности правящего класса и государства, поражение, наоборот, — их падением. Требуется, как правило, победа или поражение в трех поочередных войнах, чтобы легитимность государства и правящего класса существенно изменилась [Hanneman, Collins, Mordt 1995, p. 1–46]. Для монархической страны это всегда более актуально. В России император олицетворял государство и правящий класс, поэтому несколько серьезных поражений в двух войнах подряд в течение лишь 13 лет, 1904–1917 гг., сильно ударило по престижу не только государства, правящей элиты, но и самого монарха. Неудачная война расшатывала власть, дисциплину и общественный порядок, позволяла выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны хотя и с трудом, но удерживались в определенных границах. Война также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях и агитировать в пользу революции. Война стала также демографической катастрофой: она сорвала со своих мест миллионы людей, превратив империю «в океан беженцев», борющихся за выживание с более устроенной частью населения [Курцев 1999, с. 98–113; Полян 2001, с. 27; Gatrell 2005].

Уровень жизни до 1917 г. поддерживался на довоенном уровне. Но не хлебом единым жив человек. На войну были мобилизованы 15 млн здоровых мужчин. Если семья в среднем насчитывала 6 человек, значит, в тылу осталось 75 млн их жен и детей, отцов и матерей, сотни тысяч невест, которые с нетерпением ожидали их возвращения домой. Вместо этого они получили 1290 тыс. похоронок, 3250 тыс. писем и извещений о ранении, пропаже без вести, пленении [Россия в Первой мировой войне... 1925, с. 19]. Естественно, народ устал от войны, которая велась где-то далеко от дома, на чужой территории и ради не очень понятных целей, вследствие этого теряя надежду, веру, мужество и патриотизм.

Лишения во время Первой мировой войны имели одну очень важную особенность: они наступили после продолжительного повышения благосостояния населения в предвоенный период и на фоне больших надежд на победу, существовавших в начале войны. Но растущие ожидания общества натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу, что оказалось особенно болезненным. В результате люди оказались под прессом двойной депривации. Мы встречаемся с примером, идеально подходящим под теорию революции «J-кривая», принадлежащую Дж. Дэвису: «В большинстве случаев революции происходят, когда длительный период поступательного экономического и социального развития сменяется коротким периодом резкого спада. На первом этапе решающее воздействие на умы людей данного общества неизбежно оказывает ожидание возможности и впредь удовлетворять растущие потребности. На втором этапе, когда реальность расходится с ожиданиями, на смену приходит чувство тревоги и разочарования» [Davies 1997, p. 136]⁵.

Однако все материальные и нематериальные трудности Первой мировой войны с начала до февраля 1917 г. не шли ни в какое сравнение с трудностями Гражданской войны или Великой Отечественной 1941–1945 гг., которые удалось преодолеть и победить. Новая элита сумела вдохновить или мотивировать народ, поднять бодрость духа и уверенность в своих силах, мобилизовать и организовать победу. Но в Первую мировую войну оппозиционная контрэлита не проявила мудрости и воспользовалась ослаблением режима, чтобы его свергнуть и самой прийти к власти, не обладая для этого необходимой компетенцией и не предвидя всех роковых последствий такого шага. В борьбе за власть использовались все средства, в том числе информационный терроризм. Блестящая PR-активность противников монархии, а после февраля 1917 г. — противников Временного правительства стала важнейшим фактором революции. Конкурирующие за власть стороны прилагали много усилий для того, чтобы повлиять на массовое сознание соответственно своим задачам с помощью политического PR. Некоторые лидеры призывали даже превратить империалистическую войну в гражданскую, т. е. в войну братоубийственную. В целом оппозиция оказалась искуснее и успешнее и выиграла информационную войну. С помощью четкого и продуманного общения с властями, посредством поддержания связей со всеми социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением оппозиция создала в стране атмосферу экономического и политического кризиса, подготовила почву для революции, завоевала сердца и умы людей и вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством, вызванным войной.

Именно революция породила сначала всеобщий институциональный кризис, в результате которого была парализована или затруднена работа государственных и частных учреждений, промышленных предприятий, транспорта, коммунальных служб, судов и органов охраны правопорядка, а затем и всеобщий экономический кризис.

Февраль нанес сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, эффективности управления, дал дорогу анархии, развалил армию, спровоцировал ре-

---

⁵ См. также самое полное исследование влияния относительной депривации на развитие социального конфликта и превращения его в гражданскую войну и революцию: [Гарр 2005].

волюционные бесчинства и психоз [Аксёнов 2002; Голубинов 2009; Ильюхов 2007; Марченя 2005; Нарский 2001]. Вследствие поспешных демократических преобразований всех царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок была парализована или затруднена работа государственных и частных учреждений, промышленных предприятий, транспорта, коммунальных служб, судов и органов охраны правопорядка, и наступил тотальный институциональный кризис. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей и породила Октябрьское восстание — слишком уж очевидным оказалось несоответствие между действительностью и ожиданиями от свержения монархии. Приход к власти большевиков повлек за собой позорный выход из войны и спровоцировал Гражданскую войну. Однако большевикам железной рукой удалось восстановить общественный порядок. И вот парадокс — случилось именно то, чего желал конституционный демократ и либерал П. Н. Милюков: «Чтобы справиться со всеми этими явлениями ненормального времени, нужна была действительно военная диктатура, в какую и превратилось мало-помалу управление таких демократических стран, как Англия и Франция» [Милюков 2001]. Поскольку Временное правительство полагалось на демократические методы государственного управления, привлекая широкие «общественные силы» для решения государственных задач, оно проиграло и уступило место большевикам.

Источники и литература

- Аксёнов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 2002. 285 с.
- Бокарев Ю. П. Российская экономика в мировой экономической системе (конец XIX — 30-е гг. XX в.) // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд / ред. В. А. Виноградов. М.: Наука, 2001. С. 436–441.
- Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 гг. / подготовили А. Л. Юрганов, А. Г. Макаров // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84–110.
- Видимые (торговые) запасы хлеба в Российской империи: в 43 вып. Вып. 2: К 1-му февраля 1914 года. СПб.: ЦСК МВД, 1914. 16 с.
- Видимые (торговые) запасы хлеба в Российской империи. Вып. 43: К 1-му февраля 1917 года. Пг.: ЦСК МВД, 1917. 24 с.
- Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за семьдесят лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.
- Воронин Г. Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54.
- Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости. (По данным земской и других анкет): Доклад, прочитанный в марте 1916 г. в заседаниях Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здравия. Пг.: Гос. типогр., 1916. 70 с.
- Воронов Ю. П. Финансовое банкротство предреволюционной России // Восток: альманах. 2004. Вып. 2 (14). URL: http://www.situation.ru/app/j_art_318.htm (дата обращения: 4.04.2017).
- Всемирная история: в 24 т. Т. 19. Первая мировая война / ред. И. А. Алябьева и др. Минск: Литература, 1997. 511 с.
- Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. и др.: Питер, 2005. 460 с.
- Год трезвости в Казанской губернии. Казань: Типогр. Губернского правления, 1916. 172 с.
- Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 236 с.
- Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. Москва: РОССПЭН, 2007. 261 с.
- Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996. 347 с.

- Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1998. 268 с.
- Карпачев М. Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 85–96.
- Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 486 с.
- Криминология: учебник для вузов / ред. А. И. Долгова. 2-е изд. М.: Норма ИНФРА-М, 2001. 831 с.
- Куликов С. В. «Непотопляемый Барк»: финансист и политик // П. Л. Барк. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи 1914–1917: в 2 т. М.: Кучково поле, 2017. Т. 1. С. 5–58.
- Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
- Лунев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 497 с.
- Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война / ред. Н. Н. Смирнов, У. Г. Розенберг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 147–159.
- Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.
- Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М.: Изд-во «Щит-М», 2005. 205 с.
- Мильков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 765 с.
- Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
- Миронов Б. Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2017. Вып. 3. С. 463–480.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
- Михайловский В. Г. Урожай в России в 1801–1914 гг. // Бюллетень Центрального статистического управления. 1921. № 5. С. 2–5.
- Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Росспэн, 2001. 632 с.
- Наше денежное обращение: Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / Л. Н. Юровский (ред.). М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. 350 с.
- Новосельский С. А. Демография и статистика (Избранные произведения). М.: Статистика, 1978. 269 с.
- Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. / Н. А. Тройницкий (ред.). СПб.: Н. Л. Ныркин, 1905. Т. 2. 417 с.
- Первушин С. А. Прекращение продажи питей, как один из факторов современной дороговизны // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны: в 4 ч. Вып. 4. М.: Городская типогр., 1916. С. 87–118.
- Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.
- Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О. Г. И., 2001. 326 с.
- Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г. Пг.: Министерство финансов, 1917. 196 с.
- Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд. М.: Совет Всероссийских кооперативных съездов, 1918. 264 с.
- Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР: в 2 т. Нью Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 2. 355 с.
- Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Типогр. МКХ, 1925. 103 с.
- Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы ЦСУ. М.: Типогр. МКХ, 1924. 481 с.
- Свавицкий Н. А. Питание московских рабочих во время войны. (По данным артельного харчевания на фабриках Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т-ва А. Гюбнер) // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 70–100; 1921. № 1–4. С. 130–178.

- Санкт-Петербург. 1703–2003 гг.: Юбилейный стат. сб. / ред. И. И. Елисеева, Е. И. Грибова: в 3 вып. СПб.: Судостроение, 2003. Вып. 2. 232 с.
- Сельское хозяйство России в XX веке: сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / ред. Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев. М.: Новая деревня, 1923. 340 с.
- Статистический ежегодник России 1912 г. СПб.: ЦСК, 1913. XVI+122+37+15+11+11+16+95+7+41+46+110+112 с.
- Статистический ежегодник России 1914 г. Пг.: Типогр. Штаба Петроградского военного округа, 1915. 136+40+15+29+19+36+111+7+23+48+99+116 с.
- Статистический ежегодник 1918–1920 гг.: в 2 вып. Вып. 1. М.: 14-я гос. типогр., 1921. Отдел 8. XXII+358+144+172 с.
- Статистический ежегодник 1922 и 1923 г.: в 2 вып. Вып. 2. М.: 14-я гос. типогр., 1925. 239 с.
- Статистический сборник за 1913–1917 гг.: в 2 вып. М.: Типогр. МКХ, 1922. Вып. 2. 307 с.
- Статистический справочник по Петрограду. Пг.: Типогр. Комгорхоза, 1919. 80 с.
- Струмилини С. Г. Избр. произв.: в 5 т. М.: Наука, 1964. Т. 3. 327 с.
- Струмилини С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда, 1923. 88 с.
- Тарновский Е. Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Т. 5, № 1–4. М.: Народный комиссариат юстиции, 1918. С. 97–109.
- Тарновский Е. Н. Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности / ред. Е. Ширвиндт, Ф. Траскович, М. Гернет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 192–193.
- Твердохлебов В. Н. Бумажные деньги и товарные цены // Вестн. финансов, промышленности и торговли. 1917. № 4. С. 143–147.
- Твердохлебов В. Н. Экономический предел фискализма // Экономическое возрождение. 1922. № 2. С. 48–52.
- Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.
- Шмелев К. Ф. Денежное обращение России в годы войны и революции (1914–1921) // Денежное обращение и кредит. Т. I. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.) // ред. С. В. Воронин, К. Ф. Шмелев. Пг.: Типогр. И. Н. Кушнерев, 1922. С. 11–29.
- Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны (Август 1914 — октябрь 1917). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 734 с.
- Яковлева К. Н. Положение труда в Петроградской губернии за 1918–1923 гг.: стат. атлас. Пояснительный текст и цифровые материалы. Пг.: Вопросы труда, 1923. 32 с.+ 20 л.
- Davies J. C. *Toward a Theory of Revolution // When Men Revolt and Why* / ed. by J. C. Davies. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. 357 p.
- Gatrell P. A. *Whole Empire Walking Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 317 p.
- Hanneman R. A., Collins R., Mordt G. *Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialistic Capitalism* // *Sociological Methodology*. 1995. Vol. 25. P. 1–46.
- Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: in 2 parts. Washington (DC): U. S. Department of Commerce, 1975. Part 2. 1200 p.
- Maddison A. *World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD*. Groningen Growth and Development Centre, 2010. URL: <http://www.ggdcc.net/Maddison/> (дата обращения: 5.04.2017).
- Mitchell B. R. *European Historical Statistics, 1750–1970*. New York: Columbia University Press, 1976. 827 p.

References

- Aksenov V. B. *Povsednevnaia zhizn' Petrograda i Moskvy v 1917 godu*. PhD Diss. Moscow, MGPU Publ., 2002, 285 p. (In Russian)
- Bokarev Y. P. Rossiiskaia ekonomika v mirovoi ekonomicheskoi sisteme (konets XIX — 30-e gg. XX v.). *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii XIX–XX vv.: sovremennyi vzgliad*. Ed. by V. A. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 436–441. (In Russian)
- Veselovskii S. B. *Dnevnik 1915–1923, 1944 gg*. Prepared by A. L. Iurganov, A. G. Makarov. *Voprosy istorii*, 2000, no. 3, pp. 84–110. (In Russian)

- Vidimye (torgovye) zapasy khleba v Rossiiskoi imperii. In 43 issues, Issue 2: K 1-mu fevralia 1914 goda. St. Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1914, 16 p. (In Russian)
- Vidimye (torgovye) zapasy khleba v Rossiiskoi imperii. In 43 issues, Issue 43: k 1-mu fevralia 1917 goda. Petrograd, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1917, 24 p. (In Russian)
- Volkov Y.Z. *Dinamika narodonaseleniia SSSR za vosem'idesiat let*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930, 272 p. (In Russian)
- Voronin G.L. Obektivnye i subektivnye pokazateli obshchestvennogo blagopoluchii. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2009, no. 3, pp. 41–54. (In Russian)
- Voronov D.N. *Zhizn' derevni v dni trezvosti. (Po dannym zemskoi i drugikh anket): Doklad, prochitanniy v marte 1916 g. v zasedaniiakh Komissii po voprosu ob alkogolizme pri Russkom obshchestve okhraneniia narodnogo zdaviiia*. Petrograd, Gosduratsvennaia tipografiia, 1916, 70 p. (In Russian)
- Voronov Y.P. Finansovoe bankrotstvo predrevoliutsionnoi Rossii. *Vostok: Al'manakh*, 2004, iss. 2 (14). Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_318.htm (accessed 04.04.2017). (In Russian)
- Vsemirnaia istoriia. In 24 vols, vol. 19. *Pervaia mirovaia voina*. Ed. by I. A. Aliabeva and et al. Minsk, Literatura Publ., 1997, 511 p. (In Russian)
- Garr T.R. *Pochemu liudi buntuiut?* St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 460 p. (In Russian)
- God trezvosti v Kazanskoi gubernii*. Kazan', Tipografiia Gubernskogo pravleniia, 1916, 172 p. (In Russian)
- Golubinov Y.A. *Prodovol'stvennyi vopros v Srednem Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny*. PhD Diss., Samara, 2009, 236 p. (In Russian)
- Il'iukhov A.A. *Zhizn' v epokhu peremen: material'noe polozhenie gorodskikh zhitelei v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 261 p. (In Russian)
- Kabuzan V.M. *Russkie v mire: Dinamika chislennosti rasseleniia (1719–1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda*. St. Petersburg, Blits Publ., 1996, 347 p. (In Russian)
- Kabuzan V.M. *Emigratsiia i reemigratsiia v Rossii v XVIII — nachale XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1998, 268 p. (In Russian)
- Karpachev M.D. Dvizhenie za narodnuiu trezvosť v Voronezhskoi gubernii v nachale XX v. *Voprosy istorii*, 2010, no. 9, pp. 85–96. (In Russian)
- Kondrat'ev N.D. *Rynok khlebov i yego regulirovanie vo vremia voiny i revoliutsii*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 486 p. (In Russian)
- Kriminologiya: Uchebnik dlia vuzov*. Ed. by A. I. Dolgova. Moscow, Norma INFRA-M Publ., 2001, 831 p. (In Russian)
- Kulikov S.V. “Nepotopliaemyi Bark”: finansist i politik P.L. Bark. *Vospominaniia poslednego ministra finansov Rossiyskoi imperii 1914–1917*. In 2 vols. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, vol. 1, pp. 5–58. (In Russian)
- Kurtsev A.N. Bezhenstsy pervoi mirovoi voiny v Rossii. *Voprosy istorii*, 1999, no. 8, pp. 98–113. (In Russian)
- Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: Mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii: Mirovoi kriminologicheskii analiz*. Moscow, Norma Publ., 1997, 497 p. (In Russian)
- Mak-Ki A. Sukhoi zakon v gody Pervoi mirovoi voiny: prichiny, kontseptsii i posledstviia vvedeniia sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg. *Rossiya i pervaia mirovaia voina*. Ed. by N.N. Smirnov, U.G. Rozenberg. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 147–159. (In Russian)
- Markevich A., Kharrison M. *Pervaia mirovaia voina, Grazhdanskaia voina i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg*. Moscow, Mysl' Publ., 2013, 111 p. (In Russian)
- Marchenia P.P. *Massovoe pravosoznanie i pobeda bol'shevizma v Rossii*. Moscow, “Shchit-M” Publ., 2005, 205 p. (In Russian)
- Miliukov P.N. *Istoriia vtoroi russkoy revoliutsii*. Moscow, ROSSPAN Publ., 2001, 765 p. (In Russian)
- Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. 2nd ed., correct. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B.N. Dostizheniia i provaly rossiiskoi ekonomiki v gody Pervoi mirovoi voiny. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 463–480.
- Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, volume 1, 896 p. (In Russian)
- Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2015, volume 2, 912 p. (In Russian)
- Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2015, volume 3, 992 p. (In Russian)
- Mikhailovskii V.G. Urozhai v Rossii v 1801–1914 gg. *Biulleten' Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniia*, 1921, no. 5, pp. 2–5. (In Russian)

- Narskii I. V. *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 632 p. (In Russian)
- Nashe denezhnoe obrashchenie: Sbornik materialov po istorii denezhnogo obrashcheniia v 1914–1925 gg.* Ed. by L. N. Iurovskii. Moscow, Finansovoe izdatel'stvo NKf USSR, 1926, 350 p. (In Russian)
- Novosel'skii S. A. *Demografiia i statistika*. Selected Works. Moscow, Statistika Publ., 1978, 269 p. (In Russian)
- Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoi vseobshchei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 ianvaria 1897 g.* In 2 vols. Ed. by N. A. Troinitskii. St. Petersburg, N. L. Nyrkin Publ., 1905, vol. 2, 417 p. (In Russian)
- Pervushin S. A. Prekrashchenie prodazhi pitey, kak odin iz faktorov sovremennoi dorogovizny. *Trudy Komissii po izucheniiu sovremennoi dorogovizny*. In 4 issues, issue 4. Moscow, Gorodskaiia tipografiia, 1916, pp. 87–118. (In Russian)
- Poliakov Y. A. *Sovetskaia strana posle okonchaniia grazhdanskoi voiny: territorii i naselenie*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 270 p. (In Russian)
- Polyan P. *Ne po svoei vole ... Istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR*. Moscow, O. G. I. Publ., 2001, 326 p. (In Russian)
- Proekt gosudarstvennoi rospisi dokhodov i raskhodov na 1917 g.* Petrograd, Ministerstvo finansov Publ., 1917, 196 p. (In Russian)
- Prokopovich S. N. *Voina i narodnoie khoziaistvo*. 2nd ed. Moscow, Sovet Vserossiiskikh kooperativnykh s'ezdov, 1918, 264 p. (In Russian)
- Prokopovich S. N. *Narodnoe khoziaistvo SSSR*. In 2 vols. New York, Chekhov Publ., 1952, vol. 2, 355 p. (In Russian)
- Rossii v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh)*. Moscow, Tipografiia MKKH, 1925, 103 p. (In Russian)
- Sbornik statisticheskikh svedenii po Soiuzu SSR. 1918–1923. Za piat' let raboty TSSU*. Moscow, Tipografiia MKKH, 1924, 481 p. (In Russian)
- Svavitskii N. A. Pitanie moskovskikh rabochikh vo vremia voiny. (Po dannym artel'nogo kharchevaniia na fabrikakh T-va Prokhorovskoi trekhgornoj manufaktury i T-va A. Giubner). *Vestnik statistiki*, 1920, no. 9–12, pp. 70–100; 1921, no. 1–4, pp. 130–178. (In Russian)
- Sankt-Peterburg. 1703–2003 gg. Iubileinyi statisticheskii sbornic*. Eds I. I. Yeliseyeva, Ye. I. Gribova. In 3 issues. St. Petersburg, Sudostroenie, 2003, iss. 2, 232 p. (In Russian)
- Sel'skoe khoziaistvo Rossii v XX veke: sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenii za 1901–1922 gg.* Eds N. P. Oganovskii, N. D. Kondrat'ev. Moscow, Novaya derevnia Publ., 1923, 340 p. (In Russian)
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1912 g.* St. Petersburg, TSSK Publ., 1913, XVI+122+37+15+11+11+16+95+7+41+46+110+112 p. (In Russian)
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1914 g.* Petrograd, Tipografiia Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga, 1915, 136+40+15+29+19+36+111+7+23+48+99+116 p. (In Russian)
- Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg.* In 2 issues, issue 1. Moscow, 14-ia gos. tipografiia, 1921, division 8, XXII+ 358+144+172 p.
- Statisticheskii ezhegodnik 1922 i 1923 g.* In 2 issues, issue 2. Moscow, 14-ia gos. tipografiia, 1925, 239 p. (In Russian)
- Statisticheskii sbornik za 1913—1917 gg.* In 2 issues. Iss. 2. Moscow, MKKH Publ., 1922, 307 p. (In Russian)
- Statisticheskii spravochnik po Petrogradu*. Petrograd, Komgorkhoz Publ., 1919, 80 p. (In Russian)
- Strumilin S. G. *Izbrannye proizvedeniia*. In 5 vols. Moscow, Nauka Publ., 1964, vol. 3, 327 p. (In Russian)
- Strumilin S. G. *Zarabotnaia plata i proizvoditel'nost' truda v russkoi promyshlennosti v 1913–1922 gg.* Moscow, Voprosy truda, 1923, 88 p. (In Russian)
- Tarnovskii Y. N. Voina i dvizhenie prestupnosti v 1911–1916 gg. *Sbornik statei po proletarskoi revoliutsii i pravu*. Vol. 5, no. 1–4. Moscow, Narodnyi kommissariat iustitsii Publ., 1918, pp. 97–109. (In Russian)
- Tarnovskii Y. N. Svedeniia o samoubiistvakh v Zapadnoi Evrope i v RSFSR za poslednie desiatiletie. *Problemy prestupnosti*. Eds Y. Shirvindt, F. Traskovich, M. Gernet. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926, pp. 192–193. (In Russian)
- Tverdokhlebov V. N. Bumazhnye dengi i tovarnye tseny. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*, 1917, no. 4, pp. 143–147. (In Russian)
- Tverdokhlebov V. N. Ekonomicheskii predel fiskalizma. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie*, 1922, no. 2, pp. 48–52. (In Russian)
- Urlanis B. Ts. *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR*. Moscow, Gosstatizdat, 1963, 136 p. (In Russian)
- Shmelev K. F. Denezhnoe obrashchenie Rossii v gody voiny i revoliutsii (1914–1921). *Denezhnoe obrashchenie i kredit*. Vol. I. *Denezhnoe obrashchenie v Rossii i zagranitse v gody voiny i revoliutsii (1914–1921 gg.)*. Eds S. V. Voronin, K. F. Shmelev. Petrograd, Tipografiia of I. N. Kushnerev, 1922, pp. 11–29. (In Russian)

- Eggert Z. K. *Bor'ba klassov i partii v Germanii v gody pervoi mirovoi voiny (Avgust 1914 — oktiabr' 1917)*. Moscow, AN SSSR Publ., 1957, 734 p. (In Russian)
- Iakovleva K. N. *Polozhenie truda v Petrogradskoi gubernii za 1918–1923 gg. Statisticheskii atlas. Poisnitel'nyi tekst i tsifrovye materialy*. Petrograd, Voprosy truda Publ., 1923, 32 p. + 20 p. (In Russian)
- Davies J. C. *Toward a Theory of Revolution. When Men Revolt and Why*. Ed. by J. C. Davies. New Brunswick, Transaction Publishers, 1997, 357 p.
- Gatrell P. A. *Whole Empire Walking Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana University Press, 2005, 317 p.
- Hanneman R. A., Collins R., Mordt G. Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialistic Capitalism. *Sociological Methodology*, 1995, vol. 25, pp. 1–46.
- Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970*. In 2 parts. Washington (DC), U. S. Department of Commerce, 1975, part 2, 1200 p.
- Maddison A. *World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD*. Groningen Growth and Development Centre, 2010. Available at: <http://www.ggd.cnet/Maddison/> (accessed 5.04.2017).
- Mitchell B. R. *European Historical Statistics, 1750–1970*. New York, Columbia University Press, 1976, 827 p.

Received: 16.04.2017

Accepted: 20.11.2017